

Анна Голубовская

Татары шли вверх по Дальницкой

Читайте «Одесские рассказы», это лучший способ быть на стороне прекрасного города, подвергающегося нападению.

Адриано Софри, предисловие для публикации в журнале
«Il Foglio Review», июнь 2023

Исаак Эммануилович Бабель родился в Одессе в 1894 г., умер в Москве в январе 1940 года. Точнее: умер в Бутырской тюрьме после официального признания – «шпионаж», – выбитого пытками.

Известно, что его расстреляли, стало через много лет, многие его рукописи были изъяты и утеряны. Еврей, писатель и журналист, он в 1920 году участвовал в походе конной армии знаменитого военачальника Семена Михайловича Буденного, о чем рассказал в своем самом известном произведении.

Ему удалось избежать многих фатальных угроз: пережить погром 1905 г. (там погиб его дед), Гражданскую войну, продержаться первые годы сталинских репрессий, в том числе и благодаря заступничеству Максима Горького.

Между 1923 и 1932 годами он написал цикл «Одесские рассказы» (всего четыре рассказа), впервые изданных книжкой в 1931 году. События разворачиваются на Молдаванке, в еврейском районе Одессы, и он описал его пестрых жителей, налетчиков, жуликов, воров с их дерзкими выступлениями против властей и однозначно против антисемитов. Главный герой, «Король», Беня Крик, прототип которого – Мишка Япончик, урожденный Моисей Вольфович Винницкий (1891-1919), рабочий-электрик, одесский гангстер, боевик еврейской самообороны, каторжник и глава полка красноармейцев.

Но прежде всего эти рассказы знамениты бабелевским неповторимым стилем. «Вышла огромная ошибка, тетя Песя. Но разве со стороны бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы? Ошибаются все, даже бог».

Если вы не читали «Одесские рассказы» – пора, это ко времени. Или перечитайте их.

Что лучше, чем быть на стороне прекрасного города, жемчужины, обстрелянной ракетами и беспилотниками, с его Черным морем, которое должно быть синим, но стало черным от потока тел людей, погибших в Херсоне?

Дополнительный совет: найдите в сети реконструированный немой фильм «Беня Крик» 1927 года режиссера Владимира Вильнера по сценарию Бабеля с Юрием Шумским в роли Короля.

Крымские татары – отдельный народ, со своим языком и судьбой: коренные жители полуострова, до того, как Екатерина II аннексировала его в 1783 г., вызвав большую эмиграцию и создание большой диаспоры в Турции. В 1944 году Сталин депортировал татар в Казахстан.

Крымчане, которые выжили, смогли вернуться только после 1989 г. Претензия России, что Крым российский, а особенно «русский», значит, что полуостров каждый раз становился русским, после того что его татарское население было уничтожено, выселено и подменено.

История одесских татар другая.

Татарский город-крепость, прародитель, Хаджибей, был так назван в честь первого владельца в 1382 г. В 1789 г. крепость была завоевана для Екатерины гренадерами неаполитанца каталонского происхождения Хосе Дерибаса. В начале XIX века большая часть мусульман жила в Одессе на правах иностранных гостей (или пленных), чаще всего подданных Турции. Для ассимиляции требовался переход в православие, чего татары избегали. С 1819 года приток татар значительно вырос. Одна из причин – порто-франко. В город стали приезжать татары из Пензы, Казани, Астрахани и Башкирии. Вторая причина – удобство одесского порта для паломничества в Мекку. Из-за большого количества паломников росла и численность постоянных дворов в предместьях Одессы.

Это уже очень близко к рассказу Бабеля.

С установлением в Одессе советской власти мечеть была закрыта и разрушена, мусульманское кладбище сравняли с землей. Мусульмане тайно собирались на квартире на Молдаванке, чтобы читать Коран, обязанности муллы исполняли друг за другом несколько старейшин. Последним в 1970-е годы был старый пекарь Абдулла Каипов, в юности работавший в той самой пекарне на Дальницкой, 26.

Посвящается А. С.

Кто из нас не читал «Одесские рассказы» Бабеля?

Мне всегда казалось, что и об одесских адресах Бабеля, и о местах, где поселил он героев рассказов, известно все. После отъезда Исаака Эммануиловича в Москву его квартира на Ришельевской, 17, досталась Льву Флауменбауму, сотруднику одной из одесских редакций, от него сыну Борису, известному ученому, а потом уже его дочери Люде с мужем Костей Силиным, художником. В детстве я провела множество вечеров в комнате с камином, оставшимся от семьи писателя. В этот дом мои родители приводили Лиду, дочку Исаака Бабеля, внука писателя Андрея. Они хотели увидеть комнату и, прежде всего, камин Бабеля.

Бывала на Тираспольской, 12, где в квартире тетки Бабеля Гитл (Кати) семья Бабеля и он сам с сестрой Мэри прожили четыре года. Этот двор он описал в рассказе «Пробуждение». Заходила в огромный двор на Госпитальной, 23, где в рассказе гремела свадьба Двойры, сестры Бени Крика, на пятьсот человек. Заглядывала на Запорожскую, где родился Мишка Япончик, и во двор напротив, где он вырос. Почти всю жизнь неподалеку был Саша Розенбойм, занимавшийся бабелевской топонимикой. Словом, я считала, что на этой карте нет белых пятен, да я и не краевед, не литературовед, просто читатель.

Год назад война впервые привела в Одессу иностранного гостя в бронезилете с рассказами Бабеля в кармане. Прочитав «Одесские рассказы» в отрочестве, он всю жизнь стремился в наш город. У нас не вышло вместе прогуляться по бабелевской Молдаванке. Но под его влиянием я будто заново полюбила знакомые с юности книги. И в первые теплые весенние дни, уже одна, решила съездить на угол Балковской и Дальницкой, сделать несколько

снимков, не ожидая ничего особенного. Я знала, что нет уже много лет того дома на Дальницкой, 21, где Бабель родился, жили его дед и бабушка, где он поселил Любку Казак. На этом месте корпуса бывшего завода «Кинап». А вот напротив – Дальницкая, 26, двор, в который водят экскурсии за отсутствием того, подлинного. Он сохранил несложную архитектуру, мощный въезд с несколькими арками, внутри виднелись следы старой голубятни.

Зашла. Под старым орехом у двухэтажного флигеля, крашеного разведенной синькой, наверное, лет семьдесят назад, на солнышке грелись две очень пожилые дамы. Имя Бабеля им было знакомо. Обе поселились здесь в 60-е, выйдя замуж. Муж одной из дам давно умер, муж другой жив, но говорить о старой Одессе мне нужно не с ним. А с кем же? С нашим соседом Зяки, он потомок первых хозяев двора. Одна из дам легко, по-девичьи, вскочила и, схватив палку, замолотила в окно: «Зяки, выходи, тут девочка к тебе!».

Вышел пожилой одессит. Кепка на голове, крепкая стать, как у Фроима Грача в моем воображении. Черт его знает, как это бывает: видишь впервые человека – и сразу понимаешь, что пришла по адресу. И начнутся чудеса.

Вот что пишет Бабель в рассказе «Отец»:

«...Все это случилось в субботу, в нерабочий день. Пурпурный глаз заката, обшаривая землю, наткнулся вечером на Грача, храпевшего под своим биндюгом. Стремительный луч уперся в спящего с пламенной укоризной и вывел его на Дальницкую улицу, пылившую и блестящую, как зеленая рожь на ветру. Татары шли вверх по Дальницкой, татары и турки со своими муллами. Они возвращались с богомолья из Мекки к себе домой в оренбургские степи и в Закавказье. Пароход привез их в Одессу, и они шли из порта на постоянный двор Любки Шнейвейс, прозванной Любкой Казак. Полосатые негибачаемые халаты стояли на татарах и затопляли мостовую бронзовым потом пустыни. Белые полотенца были замотаны вокруг их фесок, и это обозначало человека, поклонившегося праху пророка. Богомольцы дошли до угла, они повернули к Любкиному двору, но не смогли там пройти, потому что у ворот собралось множество людей. Любка Шнейвейс, с кошельком на боку, была пьяного мужика и толкала его на мос-

товую. Она была сжатым кулаком по лицу, как в бубен, и другой рукой поддерживала мужика, чтобы он не отваливался. Струйки крови ползли у мужика между зубами и возле уха, он был задумчив и смотрел на Любку, как на чужого человека, потом он упал на камни и заснул. Тогда Любка толкнула его ногой и вернулась к себе в лавку. Ее сторож Евзель закрыл за ней ворота и помахал рукой Фроиму Грачу, проходившему мимо...

– Почтение, Грач, – сказал он, – если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор, есть с чего посмеяться...

И сторож повел Грача к стене, где сидели богомольцы, прибывшие накануне. Старый турок в зеленой чалме, старый турок, зеленый и легкий, как лист, лежал на траве. Он был покрыт жемчужным потом, он трудно дышал и ворочал глазами.

– Вот, – сказал Евзель и поправил медаль на истертом своем пиджаке, вот вам жизненная драма из оперы «Турецкая хвороба». Он кончается, старичок, но к нему нельзя позвать доктора, потому что тот, кто кончается по дороге от бога Мухамеда к себе домой, тот считается у них первый счастливец и богач... Халваш, – закричал Евзель умирающему и захохотал, – вот идет доктор лечить тебя...

Турок посмотрел на сторожа с детским страхом и ненавистью и отвернулся. Тогда Евзель, довольный собою, повел Грача на противоположную сторону двора к винному погребу...»

Прадедом Закира Фазлыевича был Исмитулла Рашкин (Султан-Али Бикбаев). В адрес-календаре «Вся Одесса» за 1913 год он числится домовладельцем по Дальницкой, 26, одновременно управляющим магометанской молельней на мусульманском участке Первого кладбища, возле Чумной горы. (После революции мечеть была закрыта, а в начале 30-х годов кладбище уничтожено. Теперь на этом месте стадион.)

Закир интересовался корнями, и в годы, когда облархив был доступен, нашел там купчую – в 1890-х прадед приобрел дом у еврея, чьей фамилии не запомнил. Наш диалог растянулся на несколько недель, я со своей стороны искала следы этой семьи. Удивительно, что за всю жизнь никто не разговаривал о прошлом ни с Закиром, ни с его мамой и бабушкой, я оказалась первой.

В «Волшебнике из Одессы» (Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабея. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2011) Розенбойм, пользуясь

тем же адрес-календарем, приводит фамилию Рашкина и вспоминает цитату про татар, идущих по улице. Но, видимо, пребывая в уверенности, что никто из семьи не мог пережить двадцатый век, не заходит в этот двор.

Сохранилась большого размера фотография 1913 года, на ней – несколько десятков татар, работавших в пекарне, находившейся в этом доме. В центре сам Рашкин. Пекарня принадлежала ему тоже. Зяки вспомнил, что на выкадровку из этого снимка его сын наткнулся в интернете. Но как она там оказалась, не имел понятия.

Я начала искать. И обнаружила эту же фотографию в книге Закира Калмыкова «Одесские воспоминания отца», (Одесса: Optimum, 2017. – 119 с.). Та же, но не надорванная, ясно, что другой экземпляр. Оказалось, что дед Калмыкова Рехметулла Янмурзин-Ляпин, татарин астраханского происхождения, попал в Одессу еще в 1880 году и долгие годы работал пекарем в хлебопекарне. Работало там, по его словам, более пятидесяти татар. Хлебом они обеспечивали чуть не половину Молдаванки. Все они были мусульманами-суннитами.

Татары приезжали с Поволжья, из Сибири с началом беспощинной торговли. Не нужно смешивать этих татар с крымскими, это родственные народы, но не один народ – у крымских татар своя горькая и достойная судьба... В Одессе крымские татары если и были, то в очень малом количестве.

В XIX веке было четыре пути в Мекку – дорогой, поездом из Москвы через Вену в Стамбул за шесть дней, опасный – через Севасто-

поль, где суда были ветхими и количество пассажиров гораздо больше допустимого, через Батуми, локальный для кавказских магометан и регулярный одесский – пароходы шесть раз в неделю: быстро, комфортно и дешево. Даже имам Шамиль отправился в свой последний хадж именно через Одессу в 1869 году. В Одессе до революции находилась центральная контора по переправке паломников-мусульман в Джидду через Константинополь с паломнической гостиницей «Хаджилар Караван-Серай», или попросту «Хаджи-Хане». Гостиница могла принять в свои корпуса более трех тысяч человек и располагала баней и больницей на двадцать коек. В случае смерти кого-то из паломников его хоронили на мусульманском кладбище, часть Первого, ближе к Чумке.

А теперь – семейная история. У Султана-Али Рашкина было четыре дочери. Старшая, Мирзия Исмитулловна, – бабушка Зяки. Именно она стала легендой двора на Дальницкой. Родилась в 1886, вышла замуж и уехала к мужу в Турцию. Взяла его фамилию и стала Казизаде. Мама Закира Энисья родилась в Турции. Но дед, военврач, участвует то ли в Итало-турецкой войне, то ли в Первой Балканской, и в 1911-12 погибает. Бабушка с маленькой дочкой садятся на пароход и возвращаются домой, в Одессу.

Закир показывает портрет бабушки. Большая художественная фотография с расплывшимся лицом, в рубчик и головным убором. Нежное и смелое лицо. Эта юная женщина становится наследницей – ей передает Рашкин пекарню и весь дом. При ней – возможно, и раньше, но запомнилось, что именно при ней, двор становится постоянным, она, говорившая не только по-татарски, но и по-турецки, налаживает пути к Джидде.

...Мои первые собеседницы-соседки, услышав имя Мирзии, включаются в разговор. «Помню ее, – говорит Татьяна, – в 1966 я вышла замуж, успела увидеть Мирзию Исмитулловну. Она часто сидела во дворе, пила крепчайший чифир, покуривала. В том же году ее не стало. Почтением пользовалась невероятным. Хозяйка двора...»

В 1949 году Мирзию выслали в Казахстан. Закир говорит, участковые милиционеры, пришедшие вместе с эмгэбэшниками ее арестовать, просили прощения, – мол, прости, Хозяйка, не зависит от нас ничего.

К счастью, в 1956 она вернулась домой.

Мама родила Зяку в оккупации. Его отец Файзулла, татарин из Башкирии, по стечению обстоятельств работал у себя в городке тоже пекарем на хлебзаводе. В 1937 к нему подошел под дружески начальник цеха и шепнул – ты в списке на арест, сегодня ночью заберут. Не заходя домой после работы, парень уехал из города первой же электричкой, поездом добрался до Одессы. Попал на Дальницкую, влюбился и женился на Мирзии. Работал шофером после войны.

...От оккупации запомнилось, как гнали на казнь евреев. От стены до стены по всей широкой Дальницкой. Как измученный человек юркнул в ворота, протянув соседке золото: спасите! Золото взяла и, тут же схватив за плечи, вытолкнула несчастного обратно. Я таких историй слышала много, но всегда перехватывает дыхание. Как их заперли в пороховых складах и сожгли, и Закир говорит, что, по словам старших, этот нечеловеческий крик преследовал, не давал спать. Как чудом вырвался из облавы отец после взрыва комендатуры на Маразлиевской. Какой жуткий голод был после войны. Маме удалось купить козочку. Каждый день она с маленьким

Зякой шла в Водяную балку, они пасли козу. Это молоко спасло его. Он помнит, как пленные немцы строили дом на месте взорванного костела, строили школу на месте мечети. Окончил в этой школе первые четыре класса. Немцев ему было жаль, хоть и враги. Уж очень несчастными они выглядели, даже по сравнению с вечно голодными детьми.

Спрашиваю: что было в его детстве? Как далеко отпускали, ходили ли в Дюковский парк? Во что играли? На каком языке говорили дома?

– Говорили по-русски и по-татарски между собой. По-турецки нет, бабушке не с кем было. Играли, если очень повезет, маленькими железными машинками, которые паяла артель игрушек Цыпарского, находившаяся в этом же дворе. Видимо, паяли из ворованного металла. Цыпарский был богач, ездил на трофейной немецкой машине, невероятная редкость. Но периодически пропадал – и восставал, как птица Феникс. Бандитизм, говорит Зяки, был после войны жуткий. Виноградный переулок рядом просто кишел налетчиками, ворами, да и вся Молдаванка. Их не трогали, но родители старались не отпускать со двора. Религиозности в семье не было, да и негде было бы молиться.

Задумывается.

– А знаешь, мой отец Файзулла называл Сталина бандитом еще при его жизни. Главный бандит, главный палач. У него был друг, приходил такой крепкий мужик, еврей. Их немцы гнали в порт, по слухам, должны были утопить в море с барж. Ему удалось сбежать проходным двором, не догнали. Молодой был, вырвался. Но потом сколько его мытарил наши, почему не погиб со всеми...

Закир окончил станкостроительный техникум и всю жизнь проработал на заводе киноаппаратов, «Кинапе», бригадиром электромонтажников. Сначала просто мастером. Смеется, в 50-е отдел кадров возглавляла Британова. Папиросу не вынимала изо рта. Фронтвичка, теперь нет таких женщин. Все ее боялись! А меня взяла прямо со студенческой скамьи.

Попутно выяснили, что Закир помнит моего отца – после института он работал несколько лет инженером-электриком на «Кинапе».

– Вы не против, если я все это напишу?

– Конечно, не против. Это же история, как можно против нее идти? Что-то есть такое в нас, не объяснить словами, но мы друг друга видим. Кто здесь родился и не ропщет на Город, и находит общий язык с другими. Мне не так важно, что я татарин, я одесит, и после себя оставляю одесситов.

Старые орехи во дворе покрыты растущими плодами. Голуби в опустевшей голубятне. Тепло, и не хочется уходить. Не сказать, что это маленькое расследование приблизило к Бабелю, он и так в сердце. Но Исаак Эммануилович был очень внимателен к людям. Люди, судьбы, детали волновали его, и этот живой интерес в каждой строчке. Поэтому опять и опять где-то далеко какой-то новый мальчуган будет стремиться в Одессу, город ослепительного лета.

